

УДК 911.3:32 (470)

А.Н. Лузанов

О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Одним из наиболее бурно развивающихся в 90-е годы направлений российской общественной географии стала география выборов, или электоральная география (ЭГ). До недавнего времени эта наука оставалась в нашей стране не востребовавшей, но в связи с резким изменением общественно-политической ситуации ЭГ оказалась одной из самых нужных и значимых среди прикладных географических наук. Проводимые в 90-е годы в РФ различные выборные кампании дают обширный и хорошо поддающийся анализу статистический материал, что вызвало появление значительного числа публикаций и исследований по ЭГ. Среди них особо отметим работы Л.В. Смирнягина и А.В. Березкина, которые отличает комплексность подхода (рассмотрение и взаимосвязанный анализ сразу нескольких выборных кампаний). Вызывает большой интерес вышедшее в мае 1997 г. в рамках программы ЕС "Тасис" исследование политических ориентаций населения регионов России, где обобщенно анализируются результаты "избирательной пятилетки" 1991—1996 гг. [2]. Таким образом, учитывая накопленный опыт, предпримем попытку внести, насколько это возможно в небольшой статье, свой вклад в понимание территориальной дифференциации электоральных предпочтений населения регионов России.

Постараемся показать современное размещение влияния основных политических сил страны по регионам, используя для этого итоги федеральных выборов за период 1993—1996 гг., а также дать некоторые объяснения выявленным закономерностям. Для решения поставленной задачи воспользуемся результатами выборов в Государственную Думу РФ (ГД РФ) в 1993 и 1995 гг. (по партийным спискам), а также итогами президентских выборов 1996 г. [3, 5, 6, 7]. Последние проходили в 2 тура, каждый из которых можно рассматривать как относительно самостоятельную выборную кампанию. Кроме того, возможно было бы использование результатов выборов президента РФ в 1991 г., однако, на наш взгляд, рассмотрение их в одном ряду с выборами за период 1993—1996 гг. не представляется полностью оправданным и корректным. Выборы 1991 г. проходили в иной общественно-политической ситуации: Россия не была самостоятельным государством, а многие современные политические силы тогда еще не сформировались.

Начальным этапом нашего анализа стала необходимость проведения политической типологии электоральных объединений (партий, движений и т.д.) и

кандидатов в президенты, участвовавших в федеральных выборах за указанный период. Основой для такой типологии обычно служат идеология и программы объединений, а также политический имидж их лидеров и кандидатов в президенты. В настоящее время существует множество подобных типологий, в общем, достаточно схожих и отличающихся обычно лишь некоторыми вариациями в отнесении тех или иных объединений к представителям определенных политических сил. На наш взгляд, наиболее интересными и характерными являются типологии, представленные в "Политическом альманахе России 1995" [4], в исследовании "Тасис" [2] и аналитическом докладе [8]. Так, "Политический альманах России 1995" группирует все политические объединения страны в 6 основных классов: 1) "демократы", или прореформистские блоки; 2) проправительственные блоки; 3) центристы; 4) левые политические силы; 5) национал-патриоты; 6) так называемые "группы по интересам" (к последним относятся объединения типа "Партии любителей пива" и т.п.) [4]. Важной особенностью аналогичной типологии в исследовании "Тасис" стал учет (с помощью корреляционного анализа результатов думских выборов 1993—1995 гг.) регионального распределения политических предпочтений. Например, в соответствии с этим анализом результаты голосования за Партию самоуправления трудящихся (ПСТ) по регионам в 1995 г. хорошо коррелируют с результатами голосования в 1993 г. за "Яблоко" и ДВР, что позволило авторам отнести это объединение к либеральному кластеру. Всего "Тасис" выделяет 5 подобных типов: 1) левотрадиционалисты; 2) патриоты; 3) либералы; 4) "партия власти"; 5) центр [2]. В отличие от двух вышеприведенных случаев типология, представленная в аналитическом докладе [8], не дает группировки политических объединений и представляет своеобразное деление "сверху" современного политического сознания России на следующие базовые группы: 1) либералы-западники; 2) национал-возрожденцы (отдельно выделяются кластеры национал-реформистов и национал-традиционалистов); 3) социал-традиционалисты; 4) центристы (по мнению авторов типологии, в большинстве тяготеющие к умеренному крылу "национал-возрожденцев") [8]. С учетом всего вышесказанного нами было выделено 5 основных общественно-политических сил РФ и проведено соответствующее распределение тех или иных выборных объединений и кандидатов: 1) лево-оппозиционные силы (на выборах 1993 г. представле-

ны КПРФ и АПР, на выборах 1995 г. также дополнительно представлены блоком "Коммунисты — Трудовая Россия — За Советский Союз", блоком "Власть — народу!" и движением "Держава", кандидат на президентских выборах 1996 г. Г.А. Зюганов); 2) **национал-державные силы** (на выборах 1993 и 1995 гг. представлены ЛДПР, кандидат на президентских выборах В.В. Жириновский); 3) **умеренно-патриотические силы** (на выборах 1993 г. не представлены, на выборах 1995 г. представлены движением КРО, кандидат в президенты А.И. Лебедь); 4) **силы, представляющие интересы так называемой "партии власти"** (на выборах 1993 г. не представлены, на выборах 1995 г. представлены движением НДР, кандидат в президенты Б.Н. Ельцин); 5) **реформаторские силы** (на выборах 1993 г. представлены движением "Выбор России" и блоком "Яблоко", на выборах 1995 г. также дополнительно представлены движением "Вперед, Россия!" и блоком "Памфилова—Гуров—Лысенко", кандидат в президенты Г. А. Явлинский).

Поясняя данную типологию, отметим, что в нее было целесообразно включить не все принимавшие участие в выборах политические объединения и кандидатуры, а только те, которые обладают (или обладали) реальным политическим весом и влиянием, что подтверждается результатами соответствующих выборных кампаний. Так, для рассмотрения были взяты объединения, прошедшие в ГД РФ в 1993 г., а также объединения и кандидаты в президенты, набравшие более 1% голосов от принявших участия в выборах 1995 и 1996 гг.

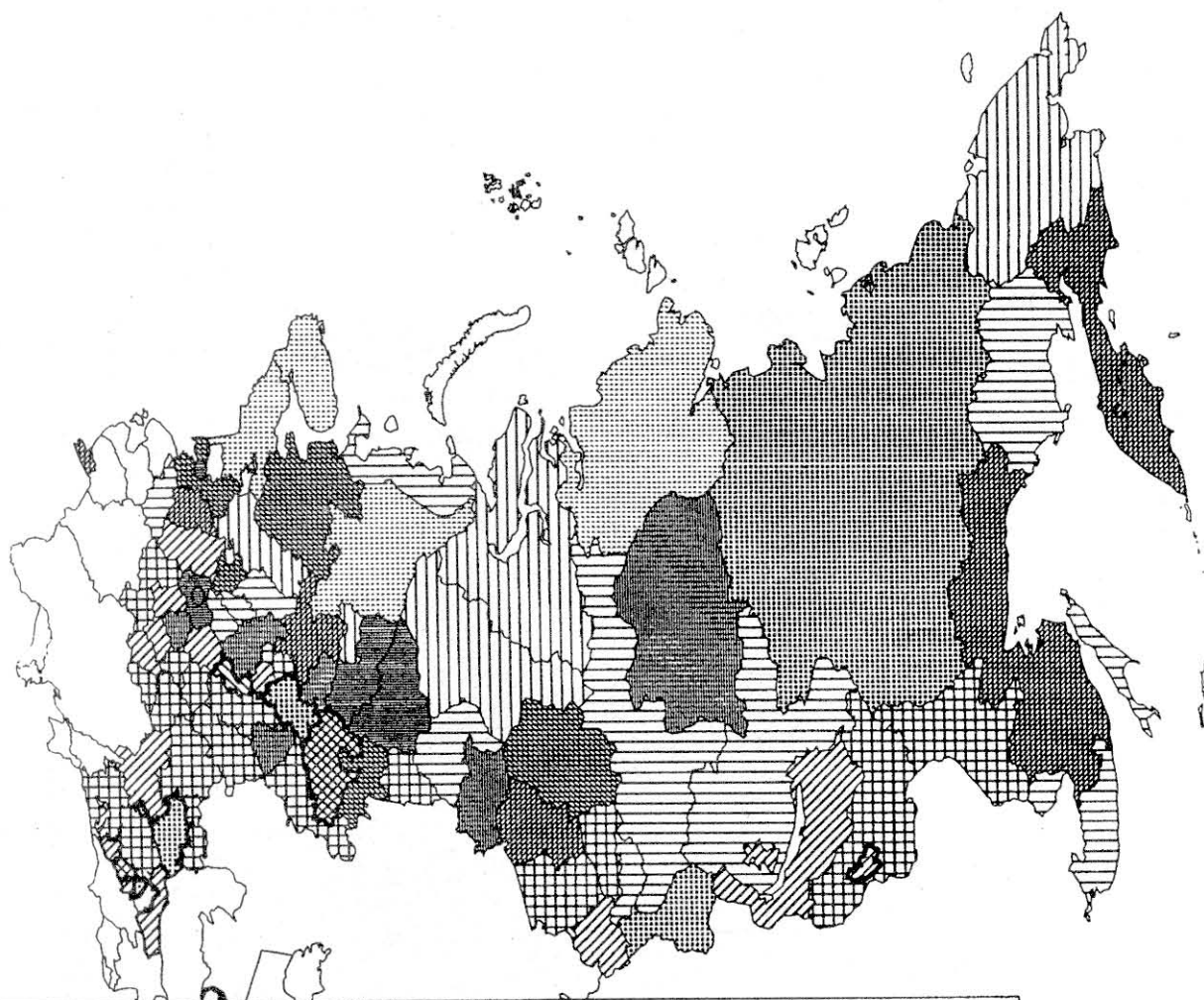
Помимо вышеназванных основных политических сил возможно выделение и других, например, **центристских сил**, однако из-за отсутствия у них достаточной общности программных установок, идеологии и т.д., а также существования почти у каждого центристского объединения своей специфической электорально-географической базы их рассмотрение требует отдельного серьезного анализа.

При обработке результатов выборов мы использовали в качестве основного показателя влияния тех или иных политических сил специальный коэффициент электоральных предпочтений (КЭП), представляющий собой простое отношение доли голосов, полученных определенной политической силой (сумма процентов голосов, полученных всеми отнесенными к данной силе объединениями) к доли голосов, полученной в среднем по стране. Кроме того, мы использовали ряд показателей, характеризующих сложившуюся в РФ современную социально-экономическую ситуацию [1, 7]. Среди них коэффициент урбанизированности (КУ), представляющий собой отношение доли городского населения в том или ином регионе к среднему по стране, коэффициент индустриального развития (КИР) — отношение доли занятых в промышленности региона к

среднему по РФ, а также аналогичные коэффициенты значения сельского хозяйства (КЗСХ) и постиндустриального развития (КПР). Последний характеризует долю занятых в третичном секторе экономики, в котором обычно выделяются следующие основные элементы: государственное управление (всех уровней), бизнес-услуги (коммерческие предприятия, не занятые материальным производством), социальные услуги (образовательные, медицинские учреждения и т.п.). Кроме того, были рассчитаны образовательный коэффициент (ОК) — отношение доли лиц с высшим образованием в регионе к среднему по РФ и коэффициент величины пенсионного контингента (КВПК) — отношение доли пенсионеров к среднему по РФ.

Особо следует сказать об использовании показателей социально-экономического неблагополучия населения (например, доля безработных и т.п.). Расчеты коэффициентов корреляции (КК), как правило, дали здесь статистически не значимые или малозначимые результаты (хотя для некоторых политических сил и показателей выявляются интересные исключения). В исследовании "Тасис" такая картина объясняется "заметными расхождениями между реальным положением дел в тех или иных регионах и формально-статистическими показателями, а также, вероятно, отсутствием в настоящее время четко выраженной связи между социальным самочувствием населения и его политическими предпочтениями" [2]. Тем не менее, взаимосвязь между социально-экономическим неблагополучием населения и электоральными настроениями заслуживает, на наш взгляд, внимания и требует особого изучения.

Рассмотрим теперь результаты расчета КЭП для выбранных нами политических сил. Регионы (субъекты РФ), имеющие среднее значение КЭП для тех или иных политических сил более 1,1 за три или более выборных кампании, определим как характеризующиеся повышенным влиянием этих сил. Регионы со средним значением КЭП в пределах 0,9 — 1,1 определим как характеризующиеся средним влиянием этих сил, а со значением КЭП менее 0,9 соответственно как регионы с пониженным влиянием (рис. 1,2). Если та или иная политическая сила принимала участие менее чем в трех выборных кампаниях (например, умеренные патриоты), то корректнее говорить не о влиянии, а лишь о повышенной (средней, пониженной) поддержке таких сил (рис. 2). Кроме того, если средний КЭП той или иной политической силы претерпевает резкие колебания от одной выборной кампании к другой, например, средний КЭП более 1,1, но КЭП за 1993, 1995 или 1996 гг. менее 1,0, то это свидетельствует о неустойчивости ее влияния (или поддержки) в данном регионе.

Регионы, характеризующиеся повышенным влиянием:

левой оппозиции	"партии власти"
левой и нац.-державной оппозиции	"партии власти" и реформаторских сил
левой оппозиции и "партии власти"	реформаторских сил
левой, нац.-державной оппозиции и "партии власти"	без повышенного влияния основных политических сил
нац.-державной оппозиции	- регионы с "управляемым электоратом"
нац.-державной оппозиции и "партии власти"	
нац.-державной оппозиции и реформаторских сил	
нац.-державной оппозиции, "партии власти" и реформаторских сил	

Рис.1. Влияние основных политических сил в регионах РФ (по итогам выборов 1993, 1995 и 1996 годов)

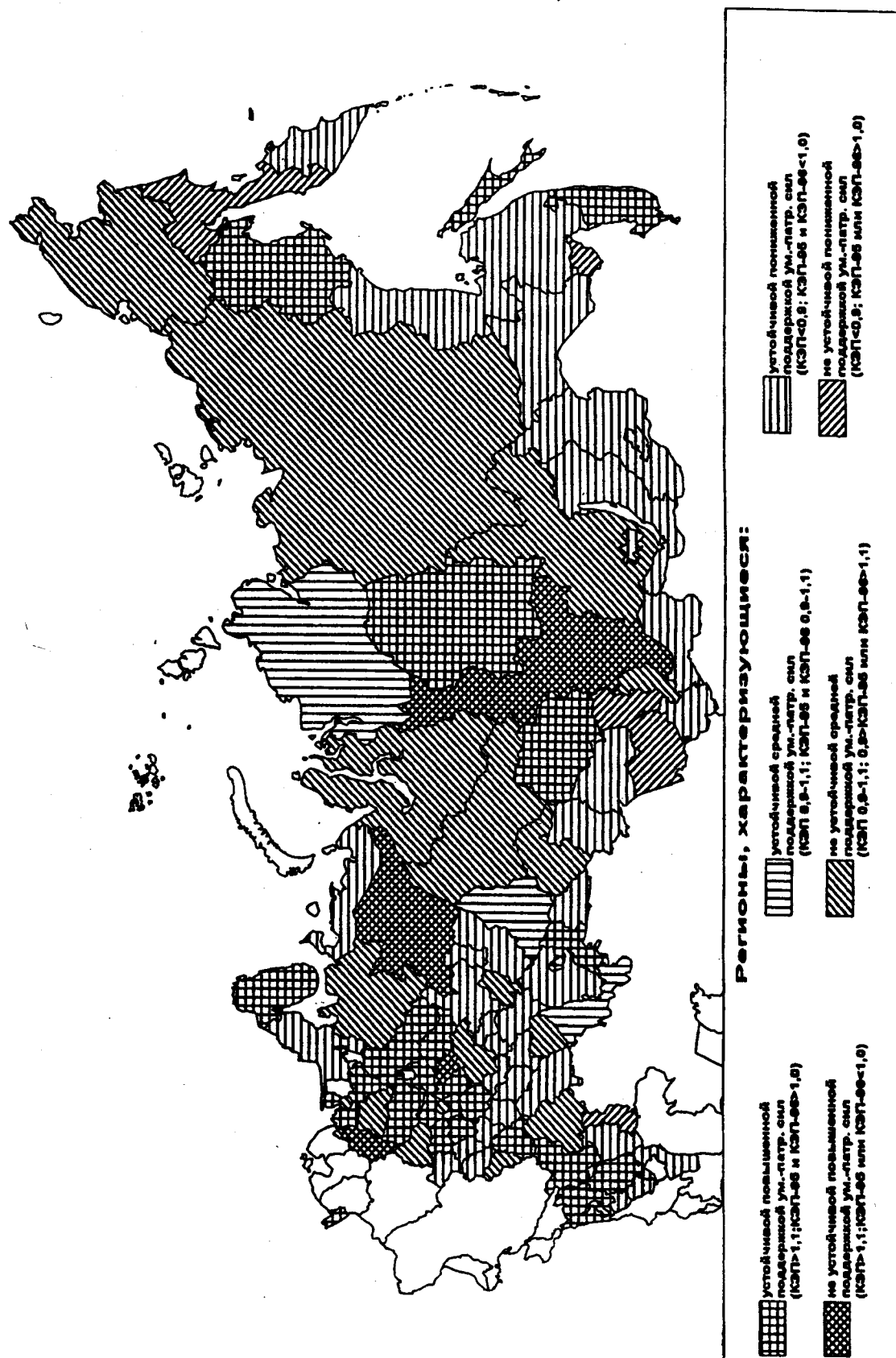

Рис. 2. Поддержка умеренно-патриотических сил в регионах РФ (по итогам федеральных выборов 1995 и 1996 годов)

Рассмотрим теперь, как распределилось по регионам РФ влияние (поддержка) тех или иных политических сил, обращая внимание на основные факторы, объясняющие выявленное распределение. Наиболее характерно территориальное размещение влияния левоопозиционных сил. Почти все регионы, где они добились повышенного влияния, сосредоточены на юге и западе страны и составляют практически единый так называемый "красный пояс" (рис. 1). Даже при поверхностном взгляде на карту видно, что основной опорой левых являются главным образом малоурбанизированные и сельскохозяйственные регионы. Это подтверждается и корреляционными расчетами между средним КЭП левых сил и взятыми нами для сопоставления (см. выше) социально-экономическими показателями. Так, КК между КЭП левых сил и КУ составил $-0,36$, а между КЭП и КЗСХ $0,71$. Кроме того, расчет КК показал, что левые силы пользуются также наибольшей поддержкой в регионах с высокой долей пенсионеров (КК между КЭП и КВПК $0,41$). В то же время КК между КЭП левых сил и ОК ($-0,41$), а также КПП ($-0,56$) выявили существующие здесь достаточно четко выраженные обратные зависимости.

Причины, по которым определенные нами выше группы населения активно поддерживают левые силы, достаточно многочисленны, однако основными из них являются пониженная в целом социальная мобильность, а также то, что именно эти слои населения в наибольшей степени пострадали от произошедших за последнее время в нашей стране коренных изменений социально-экономической и общественно-политической ситуации. С другой стороны, занятые в промышленности, третичном секторе, имеющие высшее образование и в основном жители городов отличаются более высокой степенью социальной мобильности, т.е. имеют лучшие возможности приспособиться к происходящим изменениям.

Очевидно, что электорат левой оппозиции достаточно велик и устойчив в своих предпочтениях, однако, как показали президентские выборы 1996 г., этого оказалось недостаточно для общей победы. Наиболее уязвимым местом левых сил является неспособность значительно расширить свою электоральную базу, а возможные изменения программных установок и политического имиджа, предпринятые с этой целью, могут привести к катастрофической потере уже имеющегося электората.

Анализируя относительно простую картину территориального распределения влияния левых сил, следует особо сказать о так называемых регионах с "управляемым электоратом" (рис. 1). Легко заметить, что в некоторых из них результаты голосования претерпевают значительные и труднообъяснимые колебания за относительно короткий срок. Например, в Дагестане в I туре президентских выборов 1996 г. за Г.А. Зюганова проголосовало

63,23% всех избирателей, принявших участие в выборах (больше чем где-либо в стране!), однако во II туре, прошедшем всего через несколько недель спустя, он получил только 44,81%! В то же время его основной соперник Б.Н. Ельцин, собравший в этой республике в I туре лишь 28,52% голосов, во II улучшил свои результаты — 52,65%! Таким образом, КЭП левых сил за несколько недель упал в Дагестане с 1,97 до 1,11! Подобные "непонятные" изменения имели место и в других субъектах РФ. Очевидно, что рассмотренное нами явление не является случайностью, его корни лежат скорее не в социально-экономической, а в политической и политико-культурной области. В данной работе мы не будем подробно останавливаться на этом, так как явление "управляемости электората" заслуживает отдельного подробного исследования. Тем не менее необходимо указать на его наличие и попытаться с помощью КЭП выявить соответствующие "аномальные" регионы. Установим критерии, по которым можно определить искомые субъекты: изменение КЭП левых сил (как наиболее показательного) на величину более 0,2 в 1996 г. или на величину более 0,4 между выборами в ГД РФ в декабре 1995 г. и I туром президентских выборов в 1996 г. В итоге нам удалось выявить 10 регионов с "управляемым электоратом": 9 республик в составе РФ и один АО (рис. 1). Заметим, что заданные нами критерии достаточно субъективны и способны выявить только регионы с наиболее выраженными электоральными аномалиями.

Рассмотрим теперь, как территориально распределилось электоральное влияние сил, представляющих интересы "партии власти". Из рис. 1 видно, что большинство регионов, характеризующееся повышенным устойчивым влиянием этой политической силы, можно подразделить на следующие основные группы: 1) столичные регионы (с повышенной долей занятых в государственном управлении и бизнес-структурах, которые часто связаны между собой и в наибольшей степени выигрывают от проводимого нынешней "партией власти" экономического и политического курса), например, Москва и Санкт-Петербург; 2) наиболее "привилегированные" сырьевые и индустриально-сырьевые регионы, как правило, с небольшой численностью населения (добыча, переработка и экспорт нефти, газа и другого высокодоходного сырья), например, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО; 3) регионы с "управляемым электоратом", например, Калмыкия и Татарстан. Характерно, что почти все субъекты РФ, вошедшие в первые две группы, отличаются высокой долей городского населения, пониженной долей занятых в сельском хозяйстве и пенсионеров, т.е. явно относятся к регионам, неблагоприятным для левой оппозиции, что подтверждается и проведенными расчетами КК. В частности, КК между сред-

ним КЭП “партии власти” и КПР составляет 0,41; между КЭП и КЗСХ $-0,25$; а между КЭП и КВПК $-0,42$.

Повышенную, но неустойчивую поддержку “партия власти” имеет в Свердловской области. В этом регионе особую роль сыграл так называемый “эффект друзей и соседей”, когда избиратели предпочитают своего земляка всем остальным кандидатам независимо от тех или иных политических пристрастий. Этот эффект отчетливо проявился на президентских выборах 1996 г., когда КЭП “партии власти” составил в Свердловской области 1,69 и 1,43 соответственно, а в 1995 г. только 0,82!

Достаточно сходное с “партией власти” территориальное распределение влияния имеют реформаторские силы (рис. 1). В этом нет ничего удивительного, так как эти политические силы достаточно тесно связаны друг с другом и осознанно ориентируются на почти одни и те же группы избирателей. Реформаторы обычно критикуют “партию власти” за отдельные недостатки и призывают к внесению в ее курс определенных коррективов, однако практически никогда не подвергают сомнению сам курс.

Среди регионов, характеризующихся устойчивым повышенным влиянием реформаторских сил, мы можем видеть те же высокоурбанизированные столичные регионы (например, Москва, Санкт-Петербург), а также некоторые “привилегированные” сырьевые регионы (например, Коми, Карелия). Кроме того, повышенное влияние реформаторских сил наблюдается в целом в регионах с большей, чем в среднем по РФ, долей лиц, имеющих высшее образование (например, Калининградская и Камчатская области), а в регионах с “управляемым электоратом” в отличие от “партии власти” влияние реформаторов всегда пониженное или среднее (рис. 1).

Все вышесказанное подтверждается и расчетами КК. В частности, КК между средним КЭП реформаторских сил и КУ составляет 0,61; между КЭП и КПР $-0,43$; а между КЭП КЗСХ $-0,75$. Особенно характерным является КК между средним КЭП реформаторов и ОК, составляющий 0,61. Для сравнения аналогичный КК у “партии власти” только 0,32, а у левоопозиционных сил $-0,41$.

Подводя итоги рассмотрению распределения территориального влияния “партии власти” и реформаторских сил, можно заметить, что возможность достаточно легкого и быстрого расширения своей региональной электоральной базы за счет других политических сил безусловно следует признать важнейшим преимуществом “партии власти”. В то же время необходимость конкурировать за “общего” избирателя с левоопозиционными (в регионах с “управляемым электоратом”) и реформаторскими (во многих традиционно “своих” регионах) силами является, на наш взгляд, главным и наиболее уязвимым местом этой политической силы.

Проанализируем теперь территориальное размещение влияния национал-державных сил. Прежде всего необходимо отметить, что национал-державники в отличие от рассмотренных нами ранее политических сил имеют повышенное влияние как во многих регионах “красного пояса”, так и в высокоурбанизированных и индустриальных регионах, находящихся вне его пределов (рис. 1). Таким образом, национал-державные силы ориентируются на два принципиально различных типа электората и их повышенное влияние в регионах, представляющих эти типы, объясняется качественно отличными причинами. Это во многом подтверждается и расчетами КК между средним КЭП национал-державных сил и используемыми нами социально-экономическими показателями. Почти во всех случаях были получены не значимые, близкие к нулю показатели.

При анализе конкретных типов регионов, характеризующихся повышенным влиянием данной политической силы, мы можем отметить, что в “красном поясе” она опирается на те же группы избирателей, которые традиционно поддерживают левую оппозицию и рассматривают националистов как своеобразное дополнение к последним. Характерные примеры Мордовия и Тамбовская область (рис. 1).

Другую группу субъектов РФ, характеризующихся повышенным влиянием национал-державных сил, составляют высокоурбанизированные, неблагоприятные для левой оппозиции регионы, главным образом в азиатской и северной частях страны (рис. 1). Основной причиной, определяющей данный территориальный расклад, на наш взгляд, является так называемый “эффект фронта”. Обычно он проявляется в пограничных регионах (особенно соседствующих с потенциально враждебными государствами или являющихся объектами территориальных споров), а также в регионах с неблагоприятными жизненными условиями. Он выражается, как правило, через повышенную восприимчивость значительной части населения к идеологии и лидерам национал-патриотических сил.

В пограничных регионах избиратели выражают свои опасения, связанные с внешними угрозами, и поддерживают те политические силы, которые, на их взгляд, смогут обеспечить им максимальную защиту от любых посягательств. Несколько другая ситуация складывается в регионах с экстремальными и неблагоприятными жизненными условиями. Здесь формируется специфическая группа электората, который отличается обычно высокой социальной мобильностью и достаточно значительными доходами, но, как правило, не имеет высшего образования. Необходимость жить в окраинных регионах с неблагоприятными условиями рождает у таких людей чувства оторванности и протеста, проявляющиеся и в ходе выборов. В подобных регионах охваченные “фронтирными” настроениями избира-

тели, как правило, с презрением относятся к центральному правительству, которое "их бросило", и к умеренной либеральной оппозиции, только "блотающей, но ничего не делающей". В то же время они без энтузиазма воспринимают и левую оппозицию. Практически единственными, кто импонирует подобным избирателям, являются националистические силы, предлагающие им простые и популистские решения всех проблем, а также "сильную руку", способную навести долгожданный порядок и обеспечить надежную защиту от внешних посягательств.

Типичными примерами подобных "фронтирных" регионов являются Калининградская и Псковская области (пограничные регионы), Республика Коми и Магаданская область (регионы с экстремальными жизненными условиями) (рис. 1).

Итак, можно заключить, что потенциально региональная электоральная база национал-державных сил весьма значительна (это показали в частности триумфальные для них выборы 1993 г.), однако серьезная конкуренция со стороны левой оппозиции (особенно в регионах "красного пояса") и умеренных патриотов значительно ослабила и продолжает ослаблять их позиции.

Достаточно специфично территориальное распределение поддержки умеренно-патриотических сил. Прежде всего обращает на себя внимание мощное "объединение" (территориально выражено в Центральном районе), сформированное умеренными патриотами из высокоурбанизированных, индустриальных (особенно с повышенной долей предприятий машиностроения, ВПК, легкой промышленности), но не "сырьевых" регионов (рис. 2). Это характерная черта качественно отличает умеренных патриотов от всех других политических сил, которые, как правило, никогда не добивались в подобных регионах значительных успехов. Другую, но родственную первой, группу субъектов РФ, отличающихся повышенной поддержкой умеренных патриотов, образуют некоторые индустриально-сырьевые регионы, расположенные во "фронтирной зоне" (типичный пример — Магаданская область). Характерной особенностью большинства регионов этой группы является их "непривилегированность" (добыча, переработка и вывоз относительно малоодоходного сырья, например, угля, древесины и т.п.). Кроме того, большинство таких регионов отличаются относительно высокой долей в валовой промышленной продукции обрабатывающих отраслей. На наш взгляд, данная группа "патриотических" регионов находится еще в стадии своего формирования. Третьей группой регионов, пользующихся повышенной поддержкой умеренных патриотов, следует признать ряд пограничных регионов, где особое значение для местного электората имеет проблема защиты от

внешних посягательств (Сахалинская область, Приморский край).

Сходство умеренно-патриотических и национал-державных сил проявляется в их неприятии в подавляющем большинстве республик в составе РФ (почти повсеместно они имеют здесь устойчивое пониженное влияние (поддержку) (рис. 1,2). Однако в отличие от националистов умеренные патриоты практически не имеют повышенной поддержки в большинстве регионов "красного пояса" (хотя здесь можно указать на несколько исключений).

Проверяя наши рассуждения, произведем расчеты КК. В частности, КК между средним КЭП умеренно-патриотических сил и КУ составил 0,45, между КЭП и КИР 0,42 (больше, чем у какой-либо другой политической силы!), а аналогичный КК с КЗСХ выявил существующую здесь обратную зависимость (-0,40). Таким образом, исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что ядро умеренно-патриотического электората составляют занятые в обрабатывающей промышленности избиратели, неприемлющие крайностей как западного либерал-реформизма, так и российского традиционализма и стремящиеся к определенному компромиссу между этими двумя полюсами политического спектра.

Сравнивая влияние "эффекта фронта" на поддержку патриотов и державников, целесообразно привести пример Калининградской области, которая по основным параметрам кажется сходной с Камчатской областью (специализация, повышенный ОК и т.д.). Однако различное проявление влияния "эффекта фронта" (Камчатская область не пограничный регион, с неблагоприятными жизненными условиями, а Калининградская — наоборот), вероятно, может объяснить некоторые различия в электоральных предпочтениях. В обоих случаях мы наблюдаем повышенное влияние реформаторов и национал-державников, но только в Калининградской области присутствует также повышенная поддержка умеренных патриотов (рис. 1,2). Таким образом, можно предположить, что повышенная поддержка умеренных патриотов во "фронтирных" регионах связана, прежде всего, со стремлением электората обеспечить себе защиту, а поддержка национал-державников имеет в первую очередь "протестную" основу. Особый случай "фронтирных" регионов представляют Ставропольский и Краснодарский края, которые обладают всеми характеристиками типичных регионов "красного пояса", но в то же время резко противостоят северо-кавказским национальным республикам. Значительное влияние оказал на поддержку умеренных патриотов и "эффект друзей и соседей", который проявляется здесь сразу в трех областях РФ: Ростовской, Рязанской и Тульской (рис. 2).

В заключение остановимся на некоторых сочетаниях повышенного влияния (поддержки) тех или иных политических сил (рис. 1,2). Например, заслуживает внимания сочетание повышенного влияния левой оппозиции и повышенной поддержки умеренных патриотов в некоторых регионах ЕЧ России. К таковым относится ряд индустриально-аграрных регионов с повышенным КВПК и КЗСХ и одновременно с повышенной долей занятых в обрабатывающей промышленности (например, Тверская и Воронежская области). Вне "красного пояса" отметим

сочетание повышенного влияния "партии власти" и национал-державных сил в "привилегированных" и одновременно "фронтирных" регионах (например, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО). В некоторых подобных регионах к ним присоединяются и реформаторы (например, Таймырский АО и Карелия). Кроме того, можно обратить внимание на сочетание повышенного влияния последних и национал-державников во "фронтирных" регионах с повышенным ОК (например, Камчатская и Новосибирская области).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ тенденций развития регионов России в 1992—1995 гг. (программа Европейского Союза "Тасис", контракт BIS/95/321/057) М., 1996.
2. Анализ тенденций развития регионов России в 1991—1996 гг. Политические ориентации населения регионов России (программа Европейского Союза "Тасис", контракт BIS/96/369/056) М., 1997.
3. Итоги 1-го тура. Результаты выборов Президента РФ 16 июня 1996: Материалы Центризбиркома. М., 1996.
4. Политический альманах России 1995 / Под ред. М. Макфола, Н. Петрова. М., 1995.
5. Российская газета (Данные протоколов избирательных комиссий субъектов РФ об итогах голосования по

федеральному избирательному округу на выборах в Государственную Думу РФ 17 декабря 1995 г.). 06. 01.96.

6. Российская газета (Данные протоколов избирательных комиссий субъектов РФ об итогах повторного голосования по выборам Президента РФ 3 июля 1996 г.). 16.07.96.

7. Российские регионы накануне выборов-95. / Под ред. Л.В. Смирнягина. М., 1995.

8. Российское общество и современный политический процесс (опыт политолого-социологического анализа). Аналитический доклад Российского независимого института социальных и национальных проблем. М., 1997.

Кафедра социально-экономической географии
зарубежных стран

Поступила в редакцию
08.12.97

A.N.Luzanov

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF ELECTORAL PREFERENCES OF POPULATION OF RUSSIA

Some typologies of political forces in the Russian Federation are considered. There are analyzed differentiation, combinations and stability of their influence in regions (basing in the results of federal elections for 1993—1996). There are compared electoral preferences of population with existing social-economic situation with the help of a set of indices. Certain concepts and problems of Russian electoral geography are considered as well (e.g. problems of «regions with controlled electorate», concepts of «neighbor effect» and «frontier effect»).

УДК 578.48+551.311.21

А.Н.Божинский, А.Н.Назаров

ДВУСЛОЙНАЯ МОДЕЛЬ ВОДОСНЕЖНОГО ПОТОКА¹

Водоснежные потоки, подобно селевым потокам и снежным лавинам, относятся к разрушительным гравитационным потокам лавинного типа [2,3,8]. Механизм их зарождения связан в основном с про-

сачиванием, сквозь снежный покров талых и/или дождевых вод и образованием придонного канала стока. Важную роль в зарождении водоснежных потоков играет продольный градиент давления воды

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 96—05—64189).